

Г. Х. Саркисян

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ В АРМЕНИИ (IV в. н. э.)

Армянский историк V века Фавстос Бузанд¹, повествуя о походах персов в Армению в 50—60-х гг. IV в., приводит следующие данные об уводе в плен населения: из «большого города Тигранакерта» было уведено 40 тысяч дымов², из «большого города Арташата» — 49 тысяч дымов, из «города Валаршапата» — 19 тысяч дымов, из «большого города Ерундашата» — 50 тысяч дымов, из «города Зарехавана в Багревацде» — 13 тысяч дымов, из «большого города Заришата в Алиовите»³ — 24 тысячи дымов, из «укрепленного города Вана» — 23 тысячи дымов, из «города Нахчавана» — 18 тысяч дымов (Фавст., IV, 24 и 55). Значительная часть уведенного в плен городского населения состояла, согласно Фавстосу, из евреев, предки которых в свое время были приведены в Армению царем Тиграном⁴.

Хотя цифры, как это обычно у Фавстоса, сильно преувеличены, остается несомненным факт существования в Армении IV века ряда крупных городов. Правда, мы узнаем об этих городах в связи с их разрушением и опустошением.

Все перечисленные у Фавстоса города имели многовековую историю. Ерундашат возник не позже начала II в. до н. э. Основание Арташата относится ко второй четверти того же века, как, вероятно, и основание Зарехавана и Заришата. Тигранакерт был построен в начале I в. до н. э. Валаршапат был основан значительно позднее, в начале II в. н. э., но базой для него послужило древнее поселение городского типа — Вардгесаван (М. Хор., II, 65). Указать точное время возникновения городов Вана и Нахчавана трудно, но они уже существовали к началу I в. до н. э.

Таким образом, появление всех этих городов и, добавим, ряда других относится к эллинистическому времени. Это вполне понятно. Рабовладельческий строй в Армении переживал в ту пору период бурного подъема, т. е. период, когда обычно создаются благоприятные условия для роста городов. Кроме того, Армения находилась в непосредственной близости

¹ Фавстос Бузанд, История Армении, Венеция, 1832 (древнеармянский текст). Русский перевод М. Геворкяна, Ереван, 1953.

² «Дым» (erd — отверстие в потолке для выхода дыма) — обозначение семьи. Средняя семья состояла, вероятно, из 4—5 человек.

³ В Армении имелся ряд городов с названиями Зарехаван и Заришат, потому Фавстос указывает и области, где данные города были расположены.

⁴ Имеется в виду Тигран II (95—56 гг. до н. э.). Фавстос ошибочно называет его Аршакидом.

эллинистических государств и развивалась во взаимодействии с ними. Она не могла, конечно, остаться в стороне от происходившего в эллинистическом мире стремительного развития городской жизни и от градостроительства, приведшего к возникновению в Передней Азии десятков и сотен новых городов.

История Армении этого времени освещена преимущественно греко-римскими повествовательными источниками, которые, хотя и касаются ее лишь мимоходом, все же позволяют установить основные вехи ее истории вплоть до конца I в. н. э. С этого времени наступает период в два века (II—III вв.), для нас почти совершенно темный: как античные источники, так и богатая армянская историография, возникшая в V в., оставляют его в тени. Следующий, IV, век н. э. уже хорошо освещен армянскими источниками.

Таким образом, если можно составить представление (пусть неполное) о городах Армении эллинистического периода, то дальнейшее их развитие в течение II и, в особенности, III в. скрыто от нас. Поэтому перед исследователем, обращающимся к изучению городской жизни IV века, прежде всего встает вопрос о том, продолжали ли существовать в это время и в каком положении находились в новой обстановке складывания феодальных отношений старые города, появившиеся в эллинистический период, а также продолжали ли возникать новые города.

Для изучения городов IV века важнейшим источником является надпись на греческом языке, найденная в развалинах Тигранакерта. В научной литературе этой надписи уделено минимальное по сравнению с ее ценностью внимание, а для изучения городов она и вовсе не использовалась.

Некоторые сведения о городах можно почерпнуть и у Фавстоса Бузанда, и у Мовсеса Хореспаци—авторов V века. Но вообще сведения о городах в исторической литературе V века очень скудны, причем эта скудость составляет резкий контраст с обилием и разнообразием самой литературы. Объясняется она, несомненно, упадком городской жизни в V в., когда почти все армянские города либо превратились в деревни, либо перестали существовать.

В научной литературе города IV века не привлекали специального внимания. В труде Я. А. Манандяна, посвященном торговле и городам древней Армении, о городах IV века сказано лишь мимоходом¹. Некоторые шаги по выяснению внутренней структуры городов были предприняты С. Т. Еремяном, который пришел к выводу, что население в городах Армении жило отдельными ремесленно-этническими корпорациями. «Каждая такая корпорация представляла собой замкнутую религиозную общину, которая руководствовалась собственной юрисдикцией...». «Во главе городской организации стоял царский эконо́м города— „шахап“, который собирал налоги и пошлины с торговли и ремесла и сдавал их в царскую казну»². В этой, в общем правильной, характеристике городов древней Армении имеются, однако, как нам кажется, спорные моменты, которые будут рассмотрены ниже.

Основным источником по изучаемому вопросу является, как было отмечено, тигранакертская греческая надпись³. Несмотря на отсутствие всту-

¹ Я. А. М а н а н д я н, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.), издание второе, переработанное и дополненное, Ереван, 1954 (первое издание — 1930), стр. 118 сл.

² С. Т. Е р е м я н, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, № 3, стр. 25.

³ С. F. L e h m a n n - H a u p t, Eine griechische Inschrift aus der Spätzeit Tigranokerta's, «Klio», VIII (1908), стр. 497—520; о н ж е, Armenien einst und jetzt, I, В., 1910, стр. 410—419. Греческий текст надписи на стр. 416 сл. Мы пользуемся именно этим изданием.

пительной части надписи, установление характера документа, который она содержит, не составляет трудности. Это — обращение царя к адресату, который охарактеризован, как ἡ πολιτεία ὑμῶν «ваша община» (В, 1; С, 3) или просто ὑμεῖς «вы» (С, 4), т. е. послание царя городу, косвенный приказ, пространно излагающий политическую ситуацию, а также мотивы принятия тех решений, которые записаны в документе. Лицо, направившее этот документ, может быть, как справедливо указывает Леманн-Хаупт, только армянским царем, ибо персидский царь и римляне упоминаются в надписи в третьем лице.

Установление личности царя упирается в датировку надписи, чрезвычайно затрудненную ее фрагментарностью. Издатель надписи Леманн-Хаупт подытожил сделанные в этом направлении попытки¹: характер письма (многочисленные лигатуры, форма букв, а также некоторые грамматические формы) дает основание считать, что надпись относится к III или следующим векам н. э. Далее Леманн-Хаупт старается отыскать подходящую к данной надписи ситуацию в истории Армении этих времен и находит ее в период правления царя Папа (369—374 гг.)².

Между тем совершенно очевидно, что автор надписи не может быть христианином, так как он говорит не о б о г е, а о б о г а х (В, 2; 4) и кроме того титулет персидского царя «богом» (А, 5). Маркварт правильно заключает, что царь, который официально выражался подобным образом, мог быть только открытым язычником³. А Пап, хотя и был, повидимому, язычником «более чем наполовину» (по выражению Маркварта), все же открытым язычником не стал: Фавстос Бузанд, относящийся к Папу крайне отрицательно, возводит на него множество обвинений, в частности, в области нарушения норм христианской религии, но не включает в их число открытый переход его в язычество. Такой переход был немислим хотя бы потому, что он означал бы полный разрыв с Римом, что для Папа было тогда абсолютно невозможно⁴. Маркварт отмечает также, что город Тигранакерт, которому адресовано послание, разрушенный Шапуром II в 359 г., не мог быть восстановлен ко времени Папа, ибо область Алдзник, в которой был расположен этот город, со времени смерти отца Папа Аршака II (367 г.) находилась в руках персов.

Таким образом, датировка тигранакертской надписи временем царя Папа исключена. По приведенным соображениям надпись не может принадлежать также никакому другому царю-христианину⁵. Поскольку официальное принятие христианства произошло в Армении в самом начале IV в., повидимому, в 303 г., то эта дата и является для нашей надписи *terminus ante quem*. Пока невозможно установить столь же определенный *terminus post quem*, но поскольку палеографические особенности диктуют возможно более позднюю (в пределах указанного *terminus ante quem*) датировку, надпись следует отнести, повидимому, к последним годам III или к самому началу IV в.

Содержание надписи полностью допускает такую датировку. К сожалению, уловить его можно лишь в общих чертах. Надпись составлена в один из тех редких периодов стабилизации международных отношений в Передней Азии, когда Армения оказывалась в мирных отношениях с

¹ В работе над надписью участвовали также крупные эпиграфисты, как У. Вилламовиц-Меллендорф, В. Диттенбергер и др.

² Такую датировку надписи принимает К. В. Т р е в е р, Очерки по истории культуры древней Армении, М. — Л., 1953, стр. 285.

³ J. M a r k w a r t, Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen, Wien, 1930, стр. 134 сл.

⁴ Там же, стр. 150 сл.

⁵ Там же, стр. 158 сл.

обеими державами, между которыми она была расположена,— Римом и Персией. На это указывает то обстоятельство, что согласно надписи армянский царь ведет переписку и с римлянами и с персидским царем, которого величает «богом, царем царей». Но, повидимому, в недавнем прошлом происходила война, богатая для Армении событиями не только внешними, но и внутренними: вспыхнуло восстание, о размерах которого мы не можем судить; возможно, что оно и было широким¹, но надпись говорит лишь о восстании города, к которому направлено послание, т.е. Тигранакерта, соединившегося с кем-то, возможно, с персами. О причинах восстания ничего не известно. Каково было в этом движении участие народных масс — сказать трудно, но если речь шла о соединении с персами, то вряд ли народ был в этом заинтересован. Так или иначе, но восстание было подавлено, город приведен в повиновение, и царь назначил ему наказание, о котором будет сказано ниже.

Ситуация, отраженная в надписи, вполне соответствует международному положению в Передней Азии после подписания в 298 г. в Нисибине мирного договора на 40 лет между Римом и Персией. В частности, в надписи отразилось преобладание в Армении римского влияния, а также факт расположения римских военных сил в некоторых пограничных районах.

Все это делает весьма вероятной датировку надписи 298—303 гг., временем одного из выдающихся представителей армянских Аршакидов, Трдата III (287—332 гг.), которого и следует считать автором послания.

Надпись, как было сказано, является посланием царя городу. Этот род документов, представленный в материалах по истории Армении всего лишь одним подлинным документом, был, однако, весьма распространен в Передней Азии еще в новоассирийское и нововавилонское, а в дальнейшем и в эллинистическое и римское время. Его существование во все эти периоды было обусловлено наличием некоторых факторов, без которых переписка между царями и городами была бы невозможна. Одним из основных условий была некоторая степень автономии городов, а также их зависимость непосредственно от царя, а не от местных правителей — областных начальников, стратегов, проконсулов. Отсюда вытекает и второе условие, без которого переписка не могла иметь места: наличие внутри городских общин определенных органов самоуправления, ведавших местными делами и являвшихся адресатами царских посланий, ибо, говоря о последних, мы имеем в виду именно ту корреспонденцию, которая велась с самими городами, представленными их органами управления, а не с царскими чиновниками, имевшимися, как правило, в каждом городе. Кроме того, важно было, чтобы в государстве существовали такие условия, в силу которых цари были бы вынуждены считаться с особым полуавтономным положением городов и предпочитали добиваться своих целей не путем прямого распоряжения, направленного своему представителю в городе, а посредством принятия угодных им решений самими органами городского самоуправления. Последней цели главным образом и служили царские послания городам.

В главных чертах эти условия существовали на древнем Востоке уже в VIII—VII вв. до н. э. Известно, что внутри ассирийской державы многие города, в частности ряд вавилонских городов и в числе их Вавилон, Сиппар, Ниппур, Дер, Ур, Эреду и др., пользовались различными правами и привилегиями², как, например, иммунитетом от подати в поль-

¹ Ср. К. В. Тревер, ук. соч., стр. 286 сл.

² Для иллюстрации приведем пример из письма жителей Вавилона к царям Аншурбанапалу и Шамашмукину, где они жалуются на нарушение их прав и указывают, что «так как Вавилон — связь земель, то всякий, кто в него входит, — права его обеспечены... даже собака, зашедшая в него, не может быть убита». См. L. W a t e r s a n, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I—IV, 1930—1936, № 878.

зу храмов, от мобилизации, рекрутского набора, военной и строительной повинностей и др. (см. РЗОА, стр. 137). Несомненно, что они обладали какими-то административными органами: советом, сенатом или народным собранием¹, которые и вели переписку с царем². Устройство этих городов в указанное время изучено недостаточно, однако и теперь можно суммарно представить себе их структуру и условия самоуправления на основании картины вавилонских городов эллинистического времени, ибо многое в устройстве последних восходит, конечно, к новоассирийскому периоду³.

Сильное повышение роли городов в социально-экономической и политической жизни общества и вызванное этим умножение городских центров и развитие городского самоуправления в эллинистический период привели к чрезвычайному распространению интересующих нас документов — царских посланий городам. Эти послания стали одним из обычных методов административного управления. До нас дошло несколько десятков их, разнообразного содержания (см. РСНР). Конституционная организация городов сделала прямой приказ царя нетактичным, может быть, даже незаконным, и диктовала именно форму посланий, как косвенного вежливого повеления, которое, однако, было не менее обязательным. Что касается царских наместников (должностных лиц, стоявших во главе сатрапий), то они, повидимому, в своих сношениях с полуавтономными городами не выходили за пределы рекомендации и совета (РСНР, № 13).

В качестве примера можно рассмотреть один из интереснейших документов этого рода — послание парфянского царя Артабана III Сусам (Селевкии на Эвлее), датированное 21/22 г. н. э. (РСНР, № 75). Оно имеет для нас сугубый интерес, ибо, во-первых, иллюстрирует взаимоотношения между царем и городами в парфянском аршакидском государстве, сходном по структуре с армянским государством, и, во-вторых, оно является одним из поздних царских посланий эллинистического периода, более, чем другие, сопоставимым с тигранакертской надписью. Речь в послании идет о нарушении полисной конституции в Сусах, допущенном при избрании магистрата, а именно: не был выдержан предусмотренный конституцией трехлетний перерыв между первым и вторым избранием одного и того же лица на ту же самую магистратуру. Царь в *πρόσταγμα* узаконяет этот прецедент.

Послание чрезвычайно четко отражает положение городов в Парфянском государстве. С одной стороны, оно свидетельствует о том, что самоуправляющиеся города, бывшие обычным явлением в эллинистических странах, сохранили свой статус также в парфянском государстве Аршакидов. Самый спор, поднявшийся в связи с нарушением сравнительно мелкой детали городской конституции, свидетельствует о том, что последняя в своих главных чертах не претерпела особых изменений. Упоминание обыч-

¹ РЗОА, стр. 137: «Ясно, что город, представлявший собой как бы государство в государстве, должен был иметь и соответствующую внутреннюю организацию. Это подтверждается письмами из архива ассирийских царей, где сохранился ряд писем из переноски племен и городов с ассирийскими царями. Конечно, если письмо пишет „город“, то это значит, что пишет его какой-либо административный орган города — совет, сенат или народное собрание». Как показал И. М. Дьяконов в другой своей работе, наиболее ранние данные о незначительных еще городских привилегиях относятся к XII в. до н. э. — ко времени Навуходоносора I, см. И. М. Дьяконов, Вавилонское политическое сочинение, ВДИ, 1946, № 4, стр. 52.

² Царские письма городам и письма городов к царям см. L. Waterman, RCAE, №№ 287, 292, 296, 297, 301, 403, 518, 526, 571, 734, 878, 926, 1037, 1121, 1146, 1172.

³ Г. Х. Саркисян, Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83; он же, О городской земле в селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73.

ных полисных магистратов — архонтов, казначей и т. д. — подтверждает сказанное. В свою очередь, факт сохранения полисной конституции говорит о том, что город продолжал пользоваться и той долей автономии и прочими правами и привилегиями, которые были обычны в эллинистическом мире. С другой стороны, однако, послание иллюстрирует уверенное и безапелляционное вмешательство царя в дела города и разрешение им по своему усмотрению вопроса, который, собственно говоря, целиком находился в компетенции народного собрания или совета, но вызвал, по видимому, разногласия между различными группировками граждан.

Такое двойственное положение, которое здесь вырисовывается столь ясно, было в эллинистическое время, пожалуй, самой характерной чертой городов. Оно являлось выражением экономической разобщенности и политической централизованности эллинистических государств. В парфянском государстве, таким образом, были налицо те условия, которыми вызывался этот особый статус города.

Переходя к римскому государству, нужно отметить, что положение здесь весьма отличалось от положения в государствах эллинистических. Хотя и здесь существовали города с собственными органами управления — муниципии, но центральная власть, несравненно более сильная, вмешивалась в их внутренние дела гораздо бесцеремоннее и входила во все мелкие детали городской жизни¹. Соответственно этому, императорские послания городам Восточного Средиземноморья отличаются краткостью, сущностью и отсутствием мотивировки тех или иных решений².

При исследовании тигранакертской надписи трудность задачи состоит в том, что в то время как надпись отражает конкретный случай применения репрессий к городу, мы должны составить на основе ее данных представление о положении города в обычных условиях.

Вопрос о времени возникновения этого рода документов в Армении, конечно, не может быть окончательно решен при настоящем состоянии источников, но, учитывая все данные о переписке царей с городами в древнем мире, можно утверждать, что тигранакертская надпись, относящаяся к концу III в., является одним из последних образцов этих интересных документов, в то время как первые из них появились в Армении, вероятно, не позже, чем при Тигране II (I в. до н. э.).

Важно отметить, что хотя в круге источников по истории древней Армении тигранакертская надпись является единственным в своем роде подлинным документом, дошедшим до нас, отсюда не следует, что она представляла собой что-либо уникальное и в современную ей эпоху. В подтверждение этого можно привести имеющееся у Мовсеса Хоренаци другое послание царя городу — послание персидского царя Шапура II (309—379 гг.) тем же тигранакертцам, написанное по поводу неудачной осады персами Тигранакерта в 359 г. «А Шапух, — пишет Мовсес Хоренаци — доходит до нашего города Тигранакерта. Против него встают граждане (букв. „мужи города“) вместе с военным отрядом, ибо Антиох, родоначальник Сюникский, который был тестем Аршака³ и правителем города, приказал запереться перед Шапухом». Битва приносит поражение персам, и Шапур II пишет тигранакертцам послание: «Маздеист доблестный, Шапух, царь царей, тигранакертцам, которые впредь не будете упоминаться среди арийцев и неарийцев...» и т. д. (М. Хор., III, 26).

¹ Ср. «Письма Плиния Младшего», М. — Л., 1950, письма Траяна: №№ 9, 18, 24, 34, 40 и т. д.

² SIG³, I, №№ 768, 780, 810, 831—832 и др.

³ Аршак II (345—367 гг.).

Дальнейшего текста письма мы не приводим, так как оно не подлинное¹. Интересна здесь самая возможность обращения царя непосредственно к городу, ибо, как и в тигранакертской надписи, царь здесь обращается именно к горожанам, а не к правителю, и гневается именно на них, предполагая, следовательно, за ними определенное право на самостоятельное решение тех или иных вопросов.

Итак, самый факт существования тигранакертской надписи указывает на то, что в Армении на грани III и IV вв. сохранялась известная автономия городов, которые, мало завися от местной сатрапской власти, непосредственно были связаны с царем.

Практика эллинистического времени может подсказать, каким образом, кроме непосредственного обращения царя к городу, осуществлялась эта связь. Так, в селевкидском государстве в городах были поставлены царские должностные лица, называвшиеся эпистатами. Эпистат являлся представителем царя и защитником его интересов в городе. В городе власть была поделена между ним и местными органами самоуправления, но в некоторых вопросах эпистат, вероятно, стоял выше. В парфянском государстве Аршакидов эти гражданские должностные лица приобрели еще и военную власть и назывались «стратегами-эпистатами».

Антиох, упомянутый в приведенном выше свидетельстве Мовсеса Хоренаци, выступает именно как такое должностное лицо, обладающее военной властью. Последнее обстоятельство, впрочем, не отразилось на его звании *vegakacu k'hałak'hi* «правитель города»², которое буквально означает «поставленный над городом», т. е. полностью соответствует греческому *ἐπιστάτης τῆς πόλεως*. Это соответствие вряд ли может быть случайным.

Еще менее случайна та терминология, которая употребляется для обозначения понятий «город», «городская община» в тигранакертской надписи. Рассматривая эту терминологию, следует иметь в виду, что перед нами канцелярский документ, составленный с учетом точного смысла употребленных терминов. Несомненно, что составитель надписи, применяя такие родственные термины, как *πόλις*, *πολιτεία*, четко представлял себе их различие и употреблял каждый из них в определенном смысле.

Термин *πόλις* имеет два основных значения: «город» как населенный пункт, как совокупность жителей и зданий, и «городская община», «кол-

¹ Для составления этого письма использовано взятое из псевдо-Каллисфеновой «Истории Александра Великого» послание Александра к городу Тиру (см. Г. Х а л а т я н ц, Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского, М., 1903, ч. I, стр. 246 сл.; ч. II, стр. 93 сл.). «История Александра Великого» использована и в других местах труда Мовсеса Хоренаци, который был автором перевода этого произведения на армянский язык. В частности, ряд оборотов текста, непосредственно предшествующего письму Шапура, заимствован отсюда. Все это, конечно, не значит, что Мовсес Хоренаци обратился к псевдо-Каллисфену как к источнику по истории Армении IV века. Он лишь воспользовался некоторыми его оборотами и фразами, которые, очевидно, понравились ему в процессе работы над переводом «Истории Александра Великого». Что касается конкретных данных по истории Армении, которые Мовсес Хоренаци приводит в указанном месте и в других аналогичных местах, то они ничего общего с псевдо-Каллисфеном не имеют. Следует подчеркнуть, что Мовсес Хоренаци и не скрывает того, что письмо Шапура не подлинно. Он указывает, что Шапур написал письмо «вроде этого» (далее следует текст письма).

² С. Т. Е р е м я н, Развитие городов, стр. 25, см. также выше, стр. 49, полагает, что царский чиновник в городах древней Армении назывался *шахан* (*šahar*, от сас.-пехл. *šahgar* <др.-перс. *xšāθgarāvā*), причем устанавливает данное значение этого термина по древнеармянскому переводу «Библии». Возможно, что этот термин служил параллельным званием правителей городов наряду с *vegakacu*. Однако нельзя согласиться с тем, что в компетенцию этих должностных лиц входил лишь сбор налогов «с торговли и ремесла».

лектив граждан», а отсюда и «город-государство», «государство». Это второе значение свойственно и термину *πολιτεία*, который, однако, имеет еще значения «право гражданства», «конституция», «государственное устройство» и т. д. В нашей надписи термин *πόλις* употреблен в первом из указанных значений, т. е. им обозначается город, как совокупность жителей и зданий, что следует из такого, например, контекста: *εις τὰς [πόρτας τῶν ἑλλῶν πό]λεων* «на воротах прочих городов» (D, 4—5). Термин же *πολιτεία* явно применен для обозначения гражданской общины или даже определенного государственного образования, насколько последнее было мыслимо внутри армянского государства Аршакидов. Так, например, обращаясь к тигранакертцам, царь пишет: *ἀνέζη ἡ πολιτεία ὑμῶν καὶ ἐπολέμει...* «восстала ваша община (городская община или государство. - Г. С.) и начала войну ...» и т. д. (С, 3).

Как показывает разбираемая надпись, языком царской канцелярии в III—IV вв. был греческий, по крайней мере в области управления городами. Поэтому не будет ошибкой сказать, что официальное название гражданской общины в Армении было *πολιτεία*. Не может быть сомнения в том, что как сама организация, так и обозначающий ее термин были наследием эллинистического периода.

Для выяснения политического статуса гражданских общин чрезвычайно показательны мера наказания города и те предосторожности, которые принимает царь в связи с происшедшим восстанием. Текст, фрагментированный и в этой части, гласит: *Ἄλλ' οὐ δεῖ τὸ καταλείφθην φρούριον ἔρημον ἀφεῖναι, ὧν ἐνεκα* τῷ στρατῷ ἡμῶν παρεδώ[καμεν, μ]ήπως ὕβρις περισσότερα παρακολουθήσῃ ἢ μέρος τι αὐθις ἐπαναστῆ καὶ πολεμήσῃ τῶν ἀρχῶν πρὸς ἡμᾶς «Но не следует поки[нутую крепость оставлять пустой, по этой причине] мы передали ее нашему войску, чтобы ни в коем случае не последовало чрезмерного своеволия или [снова не восстала на нас и не начала войну] против нас какая [либо часть влас]тей(?)» (С, 4—6)¹.

Независимо от приведенных восстановлений Леманн-Хаупта ясно, что царь, опасаясь нового восстания, принимает некоторые меры, а именно — передает своему войску... здесь текст испорчен, но неизбежна конъектура «крепость» или «акрополь» или что-либо другое в этом роде. Иными словами, в город вводится царский гарнизон. Но это не только мера предосторожности, это также наказание, вернее, по видимому, одна из статей наказания для города. Но если эта мера в качестве наказания применена в чрезвычайном случае, каким представляется восстание города, то это означает, что в обычное, спокойное время в городе царского гарнизона не было и городское укрепление занимал военный отряд, состоявший из самих граждан.

Согласно приведенному выше указанию Мовсеса Хоренаци, военные силы, защищавшие Тигранакерт в 359 г. против Шапура II, слагались из «мужей города» (т. е. граждан) и регулярного военного отряда. «Мужей города» — это, несомненно, ополчение граждан. Что касается второго элемента, то, вероятно, это был отряд царского войска, несший в городе

¹ Выражение *μέρος... τῶν ἀρχῶν* мы перевели «часть властей» в отличие от Леманн-Хаупта, переводящего это место как «ein Teil unseres Gebietes» «часть нашей области» (т. е. часть государства). Слово *ἡ ἀρχή* означает «начало», «власть», а отсюда и подвластную территорию, государство. Но его множественное число — *αἱ ἀρχαί* — этого производного значения не имеет. Оно означает «власти», «магистраты», «правительство» и т. д. Последние значения удовлетворяют обом контекстам, в которых в нашей надписи встречается слово *αἱ ἀρχαί*. Один из них уже приведен. Другой (С, 4): *ἐκ τῶν ἀρχῶν ὧς ἐγένετο* «как произошло по вине властей» (ἐκ = по причине, по вине). Под «властями», по видимому, имеются в виду органы городского самоуправления, магистраты.

гарнизонную службу. Повидимому, в данном случае чрезвычайным обстоятельством, оправдывавшим наличие царского гарнизона, явилась военная опасность, если только он не содержался в Тигранакерте с тех пор, как был учрежден Трдатом III после восстания этого города. Как бы то ни было, активное участие в обороне города самих граждан, которых Мовсес Хоренаци ставит даже на первое место, а также тот факт, что осаждавший город Шапур II гневался именно на горожан, указывает на то, что военная самодеятельность городов в Армении поощрялась.

Свобода от царского гарнизона должна рассматриваться как привилегия городов. Можно предположить, что в соответствии с этим граждане обладали и другими привилегиями и правами, сопровождавшими обычно автономию: освобождение от ряда податей и повинностей и т. д.

Очень важна заключительная часть надписи, сохранившаяся лучше других, почему и восстановление ее, предложенное в труде Леманн-Хаупта, не вызывает никаких сомнений. Текст гласит: ἐκελεύσαμεν [τὰ γράμματα τὰδε ἐ]πὶ πόρταν παγγῆναι καὶ καθὼς εἰς τὸ τι[τλάριον ἦν οὕτως] γέγραπται καὶ πέπρηται. Ὁμοίως καὶ εἰς τὰς [πόρτας τῶν ἄλλων πό]λεων, ὧν τῆ προνοία καὶ βοήθεια [τῶν θεῶν τὴν ἀρχὴν] παρελάβαμεν, εἰς μίαν καὶ ἐκάστ[την ἐκελεύσαμεν καθὼς ἦν] εἰς τιτλάριον γλωφῆναι καὶ παγγῆναι. «Мы приказали [письмена эти] на воротах прикрепить, и как в пос[лании написано, так] вырезано и прикреплено. Равным образом и на [воротах прочих го]родов, власть над которыми заботой и с помощью [богов мы полу]чили, на каждом из них [мы приказали так], как написано в послании, выре[зать и прикрепить]» (D, 2—7)¹.

Как видим, царь здесь говорит специально о городах, выделяя их среди прочего населения. Следовательно, городское население в Армении III—IV вв. составляло отдельную социальную категорию, отличную от других социальных категорий, в частности — от сельского населения. Как мы старались показать, городское население, вернее его гражданская часть, выступает в надписи как население привилегированное. Однако о взаимоотношениях его с сельским населением мы из надписи ничего не узнаем.

Между тем одно из свидетельств Мовсеса Хоренаци очень четко характеризует эти взаимоотношения. При описании реформ, которые Мовсес Хоренаци приписывает первому аршакидскому царю в Армении (ошибочно названному им Валаршаком и датированному второй половиной II в. до н. э.), он говорит и о следующей: «Приказал, чтобы горожане были более уважаемы и почитаемы, нежели сельчане, и чтобы сельчане почитали горожан, как владык. Горожане же не должны слишком кичиться перед сельчанами, а обращаться с ними по-братски, для сохранения доброго порядка и согласия, что является залогом благоденствия и спокойствия в жизни» (М. Хор., III, 8).

В этом отрывке, многократно цитированном и комментированном исследователями, до сих пор не была отмечена крайняя резкость формулировки, вероятно, потому, что она завуалирована заключительной сентенцией Мовсеса Хоренаци. В самом деле: сельчане должны относиться к горожанам, как к «владыкам». В подлиннике — слово *išxan* (от глагола *išxel* «властвовать», «владеть», «сметь»), которое позднее употреблялось для обозначения феодального сеньера, князя. Отсюда, между прочим, ясно, что речь идет не о всех жителях города, а о господствующей верхушке, о гражданах.

Приведенные данные Мовсеса Хоренаци стоят особняком не только в его «Истории Армении», но и вообще в исторической литературе

¹ Речь здесь идет, повидимому, о каком-то предшествующем послании-приказе, которое получил город.

V века, в которой нельзя найти более ни одного указания на противоположность городского и сельского населения. Для V в. характерно отсутствие упоминания городского населения¹, что полностью соответствует жалкому состоянию городской жизни в Армении этого времени. В более позднее время выделение городского населения также встречается очень редко².

Несомненно, данное свидетельство Мовсеса Хоренаци восходит к более ранним, чем V в., временам и отражает, в конечном счете, положение, сложившееся еще в эллинистический период, когда существовал резкий антагонизм между деревней и городом вследствие интенсивной эксплуатации городом сельского населения, прожигавшего на землях, окружающих город и находившихся в его распоряжении («городская земля»).

Из того же факта специального выделения в тигранакертской надписи городов, а также из указания, что послание царя пужно «вырезать и прикрепить» также «на воротах прочих городов», следует, во-первых, что в Армении, кроме Тигранакерта, существовал еще ряд других городов (вспомним данные Фавстоса, приведенные в начале настоящей статьи), а во-вторых, что и эти города могли быть адресатами царя, т. е. иными словами, что каждый из них, вероятно, представлял собой такую же *πολιτεία* — гражданскую общину, какой был Тигранакерт.

Относительно внутренней структуры городских общин в древней Армении известно очень мало. Нельзя сказать что-либо конкретное о магистратах или коллегиальных органах управления, например о совете или собрании, каковые институты, все или некоторые из них, в какой-то форме, несомненно, существовали. На последнее, между прочим, указывает

¹ Желая дать понять, что речь идет о всей совокупности армянской страны или народа, авторы V века обычно прибегали к перечислению всех социальных или территориальных составных частей государства. Например, Фавстос, V, 31: «В дни патриарха Нерсеса по его приказу во всех областях, во всех деревнях и селениях, вообще во всей земле армянской были построены больницы»; Агатагелос, История Армении, Тифлис, 1909 (древнеармянский текст), стр. 73: «Трдат, царь Великой Армении, шлет привет всем вельможам, владельцам, нахарарам (представители крупной землевладельческой знати.— Г. С.), должностным лицам и всем прочим людям, которые находятся под моей властью в аванах (крупные деревни.— Г. С.), деревнях, селениях, агараках (частновладельческие хозяйства.— Г. С.), азатам (сословие мелкой служилой знати.— Г. С.) и шиаканам (сельские общинники.— Г. С.)» (остальные ссылки см. Я. А. Манандян, Феодализм в древней Армении, Ереван, 1934, стр. 214 сл.). Ни города, ни горожане в этих и подобных перечнях, имеющих целью охарактеризовать весь состав государства, не упоминаются.

² Можно привести данные Иоаннеса Драсханакертци (вторая половина IX — начало X в.) о том, что в VII в. католикос Нерсес создал поселение вокруг храма (Звартноц), жители которого пользовались «условием горожан». Возможно, что здесь соблюдаются пережитки традиции эллинистического времени (Иоаннес Драсханакертци, История Армении, Тифлис, 1912, древнеармянский текст, стр. 88). Кроме этого свидетельства, у авторов X—XII веков (т. е. периода расцвета феодальных городов Армении) встречаются пересказы разобранного выше свидетельства Мовсеса Хоренаци. Однако это отрывок выступает у них в существенно измененном, отредактированном согласно их представлениям виде. Приведем два примера. Тот же Иоаннес Драсханакертци, История Армении, стр. 26 сл., пишет: «И приказал, чтобы горожане предпочитались сельчанам. Но и горожанам — не слишком гордиться перед сельчанами и кичиться, а жить в согласии между собой, без зависти и по-братски, что является залогом благоденствия и спокойствия». Как видим, в этом почти дословном пересказе отсутствует именно самое резкое и характерное положение об отношении сельских жителей к горожанам, как к «владыкам». Противопоставление сильно смягчено. У Мхитара Гоша, автора XII века, читаем (Судебник, II, 1): «Горожане должны пользоваться почетом, большим, чем сельчане; сельчане же почетом большим, чем жители агарака, то же самое и для жителей крепости в отношении к жителям авана, ибо таков порядок, установленный прежними нашими царями» (Мхитар Гош, Армянский судебник, рус. пер. А. А. Павлова, Ереван, 1954, стр. 148). Здесь уже ничего не сохранилось от противопоставления сельских жителей городским; оно превратилось в градацию различных слоев населения.

встречающееся в тигранакертской надписи обращение «вы», «ваша община», которое относится, конечно, к некоему коллегиальному органу управления городом.

Некоторые данные позволяют судить о том, что городская община делилась на более мелкие, организованные по этническому или религиозному признаку, общины. Так, например, Фавстос Бузанд, повествуя об уводе в плен городского населения Армении персами в 364—368 гг., четко дифференцирует армян и евреев и указывает количество тех и других. Это могло оказаться возможным, повидимому, только в том случае, если указанные этнические элементы жили обособленно друг от друга, объединившись в отдельные политевмы¹. Известно, что евреи, жившие в нееврейских городах, организовывали свои обособленные общины, которые первоначально имели только религиозную основу. В дальнейшем такие общины оформлялись как официальные организации, автономные уже не только в религиозном, но, в значительной степени, и в административном отношении. Члены этих общин управлялись и судились по своим собственным законам и выбирали коллегиальные органы и магистратов для самоуправления². В армянских городах еврейские общины, возникшие на религиозной основе, также, повидимому, со временем стали административными единицами. На это указывает следующий факт. Согласно источникам, евреи в Армении приняли христианство (Фавст., V, 55) при официальном его признании государственной религией в самом начале IV в. (М. Хор., III, 35). Если их общины в это время продолжали бы носить чисто религиозный характер, они в течение следующих десятилетий должны были бы распаться, поскольку основа их существования исчезла. Но они сохранились еще в 60-х годах IV в., как свидетельствует Фавстос Бузанд, и сохранились, повидимому, именно как административные единицы.

Утверждение о ремесленно-корпоративном характере подобных общин пока представляется нам спорным; оно основано лишь на аналогии с грузинскими городами, притом несколько более позднего времени³.

О городских вооруженных силах выше уже было сказано, равно как и о царских должностных лицах в городах. Следует лишь подчеркнуть, что существование практики царских посланий, которая обеспечивала непосредственное общение царей с городами, доказывает, что царским чиновникам принадлежала в городах далеко не вся полнота власти.

Все приведенные данные, таким образом, говорят о том, что города Армении в IV в. сохраняли еще важнейшие черты городского устройства эллинистического периода: они являлись полуавтономными городскими общинами, связанными непосредственно с царем, имели свои органы управления и были наделены рядом прав и привилегий.

Говоря о «городе эллинистического периода», мы понимаем под этим обозначением отнюдь не только эллинистические полисы. Последние представляли лишь один из типов, а другими типами городов эллинистического времени были вавилонские города, малоазийские и сирийские храмовые города, города Финикии и Палестины и т. д. Будучи различны по своему происхождению, эти типы городов имели много общего в своей социальной и даже политической структуре. Повсюду двумя основными социальными слоями (между которыми были и промежуточные) были богатые и зажиточные землевладельцы-рабовладельцы и эксплуатируемая масса рабов и полусвободных производителей. Повсюду класс

¹ Ср. С. Т. Еремян, Развитие городов..., стр. 24 сл.

² В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 201 сл.

³ См. С. Т. Еремян, Развитие городов..., стр. 25; ср. выше, стр. 49.

рабовладельцев-землевладельцев был объединен в четко очерченные гражданские (в иных случаях — гражданско-храмовые) общины, которые в системе государства пользовались долей автономии в решении внутренних вопросов.

Все эти качества, которые обычно приписывают только эллинистическим полисам, на деле были свойственны и другим городским образованиям эллинистического времени¹.

Итак, отмеченные выше черты армянского города IV века свидетельствуют отнюдь не о том, что в основе последнего лежит устройство эллинистического полиса, а лишь о том, что возникшие в Армении в эллинистический период многочисленные города по своей структуре были в общем сходны с указанными выше типами городов, что объясняется сходством в экономическом строе общества, их породившего.

Нужно вспомнить еще об одной черте, общей для городов эллинистического времени. Будучи оплотом класса землевладельцев-рабовладельцев, они являлись важнейшей опорой центральной царской власти тех государств, в которые они входили. Этим, кстати, и объяснялось в значительной степени стремление центральной власти укрепить и умножить города, стремление, наблюдаемое и в Армении эллинистического времени.

Возникает вопрос, какова была позиция городов, служивших ранее опорой царской власти, в новых условиях IV века, в обстановке разложения рабовладельческого строя и бурного роста феодальных отношений, одним из выражений которого была жестокая борьба между нарождавшимся классом феодалов и царем, нашедшая свое яркое отражение в историографии V века, особенно у Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци.

Указанные авторы дают некоторые сведения, позволяющие ориентироваться в этом вопросе. Они сообщают об основании в IV в. двух новых городов (следовательно — о продолжении царями политики умножения городов): Двина, которому суждено было впоследствии сыграть важную роль в жизни Армении, и Аршакавана, погибшего спустя короткое время после своего возникновения.

Об Аршакаване авторы сохранили любопытнейшие рассказы, которые и приводим.

Фавстос Бузанд повествует²: «К этому времени царь построил для себя дастакерт³ в долине области Ког; и во все области своего государства разослал приказ, чтобы повсюду глашатаи кричали на площадях и во всех концах объявляли царский приказ о следующем: „Пусть все, кто кому-нибудь должен, или кому-нибудь причинил убыток, или привлечен к суду кем-нибудь, да придут в этот дастакерт, поселятся там... и они избавятся от суда и расправы. А если заимодавец за должником придет и туда, то такого без суда и правосудия поймать и выслать...“ Когда вышел этот царский указ, то в означенном месте собрались все воры и разбойники, виновные в пролитии крови, и убийцы... Хотя повсюду поднялся большой ропот, но суда не было, ничьих прав царская власть не защищала; поэтому все люди стоном стонали... А местечко то превратилось в поселок и в город, увеличилось, стало многолюдным, заняло всю доли-

¹ См. Г. Х. Саркисян, ВДИ, 1952, № 1, стр. 80 сл. и ВДИ, 1953, № 1, стр. 73; он же, Город древней Армении (III в. до н. э. — IV в. н. э.), Ереван, 1954 (автореферат кандидатской диссертации), стр. 5 сл.

² Рассказ Фавстоса Бузанда, перегруженный деталями, приводится в несколько сокращенном виде в переводе М. Геворкяна (стр. 84 сл. и 88).

³ Дастакерт — частновладельческое или царское хозяйство. Ряд городов в древней Армении возник на основе царских дастакертов — см. С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1, стр. 14—21.

ну. Царь Аршак приказал этот дастакерт назвать его именем — Аршакаван. Там был построен также царский дворец» (Фавст., IV, 12).

Спустя некоторое время католикос Нерсес, выражая недовольство церкви и знати деянием царя, проклял новый город и «...бог подверг селение — город Аршакаван ударам. На людях и на животных стали появляться злокачественные опухоли, которые иные называют чумой. Это бедствие не продолжалось больше трех дней, и город обезлюдел; около двадцати тысяч дымов перемерло...» (Фавст., IV, 13).

Мовсес Хоренаци рассказывает: «Аршак также дерзнул совершить безумное деяние: за горой Масисом, на склонах, построил дзеракерт¹ — сборище преступных людей, и объявил, что всякий, кто, прийдя, поселится там, не будет подвержен закону и суду. Немедленно вся долина, как море, наполнилась людьми, ибо залогоимцы, и должники, и рабы, и вредители, и воры, и убийцы, и похитители чужих жен, и прочие, подобные им, убегали и укрывались там, и не было возможности их сыскать. Нахарары неоднократно жаловались, но Аршак их не слушал. Наконец, они обратились с жалобой к Шапуху (Шапуру II — Г. С.)... Армянские нахарары, соединившись, двинулись на царский дзеракерт Аршакаван и предали мечу как мужчин, так и женщин, всех, кроме грудных младенцев, ибо они были озлоблены против рабов своих и преступников» (М. Хор., III, 27).

Общепринято мнение, что рассказ Фавстоса послужил основным источником для Мовсеса Хоренаци при изложении им истории Аршакавана. Но для нас несомненно и то, что в описании гибели города Мовсес Хоренаци воспользовался такими источниками, которые, едва ли будучи неизвестными Фавстосу Бузанду, были им, повидимому, замолчены.

Авторы — апологеты и идеологи нарождающегося класса феодалов — относятся отрицательно к факту основания Аршакавана и проникнуты враждебностью по отношению к его жителям и к его основателю — Аршаку II (345—367 гг.). Отсюда — тенденциозность и искажение исторической действительности, которые не трудно обнаружить в рассказах.

В обоих рассказах сделана попытка выдвинуть в качестве главного мотива основания нового города сумасбродство и каприз царя. Но уже выбор места для будущего города, при котором явно было учтено не только плодородие почвы, но и направление торговых путей (местность расположена на важном пути, соединявшем два крупнейших центра Армении — Тигранакерт и Арташат), противоречит подобным суждениям.

Насколько можно судить по сохранившимся рассказам, привилегии и права, обещанные жителям будущего города, были следующие: 1) освобождение от долгов, 2) помилование в совершенных преступлениях и вытекающая отсюда 3) гарантия недопущения преследования со стороны пострадавших. Все это означает, что поселившиеся в Аршакаване находились вне сферы общегосударственных законов. Эта сторона вопроса всячески подчеркивается и утрируется обоими авторами и квалифицирована ими как уничтожение всякой законности. Между тем существовала, несомненно, и другая сторона вопроса, которую авторы замалчивают. Необходимо было установить какие-то нормы, которые регулировали бы взаимоотношения жителей города между собой, их отношение к царю и к внешнему миру, т. е. установить какую-то новую законность, а, следовательно, и соответствующие власти, администрацию и суд.

К данным авторов о составе населения Аршакавана также нельзя отнестись с доверием. Возможно, и даже вероятно, что право убе-

¹ Дзеракерт — то же, что и дастакерт.

жища привлекло сюда также преступников, но повальное бегство в Аршакаван свидетельствует, конечно, не о массовой преступности, а об остроте классовой борьбы. В новый город стекались, вероятно, представители самых различных социальных слоев — рабы, крестьяне-общинники, горожане, задавленные долгами, и т. д. При оценке характеристики, данной авторами населению Аршакавана, следует также учесть, что в их глазах преступником являлся всякий беглый раб, всякий неоплатный должник.

В описании гибели Аршакавана авторы хотя и несколько расходятся, но отношение их к самому факту одинаково одобрительно.

Мы видим, таким образом, что в своей попытке обрисовать основание Аршакавана как создание разбойничьего гнезда авторы терпят неудачу и выдают истинную сущность дела. В Аршакаване была создана городская община — *политэйа*. Можно не сомневаться, что жители Аршакавана, освободившись от общего государственного закона, попадали в сферу действия законов городских. Следует предположить, что так же обстояло дело и в отношении податей и повинностей: освободившись от общегосударственных податей и повинностей, жители Аршакавана попали в систему городских податей и повинностей, которые, повидимому, были менее обременительны.

Аршакаван был разрушен феодализировавшейся землевладельческой знатью. Однако примеры разрушения в середине IV в. армянских городов при участии представителей этого класса не ограничиваются Аршакаваном. Известно, что при персидских походах в Армению в 359 г. и 364—368 гг. систематически и последовательно были уничтожены все городские центры Армении и население их угнано (см. выше, стр. 48). Известно также, что армянские нахарары не только принимали участие в этом разгроме, но и стояли во главе персидского войска (Фавст., IV, 24; М. Хор., III, 35). До некоторой степени это была гражданская война между царской властью и частью нахараров, в которой последние воспользовались иноземной — персидской — помощью¹.

Сопоставление этих фактов с разрушением около этого же времени Аршакавана приводит к предположению, что оно произошло не только из-за того, что нахарары «были озлоблены против рабов своих и преступников» (М. Хор., III, 27), но и потому, что самый факт возникновения нового города, созданного усилиями царя, был для них неприемлем. Отсюда нужно сделать вывод, что города, очевидно, продолжали оставаться опорой царской власти также в период разложения рабовладельческих отношений и складывания нового, феодального строя и вели активную борьбу с феодализировавшейся знатью.

Это естественно. Центральная царская власть обеспечивала городам сохранение их прав и привилегий, а также заботилась об имевшей перво-степенное значение для городов транзитной торговле и, тем самым, о развитии товарного ремесленного производства. Между тем натурализация хозяйства, характерная для начальных этапов развития феодальных отношений, губительно сказывалась на городах. Теряя свое торговое и промышленное значение, города были обречены на постепенную деграцию, на превращение в деревни. В Армении этот процесс привел к ощутимым результатам уже к V в. При этом катастрофа в 360-х годах была только эпизодом, правда сильно ускорившим процесс захирения городов, но никак не бывшим основной причиной его. Подобные катастрофы случались и раньше

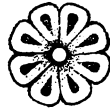
¹ Обращение за помощью к персам со стороны нахараров в гражданских войнах IV в. было самым обычным явлением — см. Фавст., III, 8—9; IV, 23—24; 50 и т. д.; М. Хор., III, 31; 35—36 и т. д.

(разрушение Тигранакерта, неоднократное разрушение Арташата), но тогда, при благоприятных условиях, города быстро возвращали свое прежнее значение и продолжали развиваться дальше, а в IV в. таких условий уже не было: на развалинах городов появились деревни.

Так, из восьми упоминаемых Фавстосом Бузандом городских центров в Армении к середине V в. некоторое значение сохранил лишь Валаршапат. Арташат превратился в «деревню-город»¹, Тигранакерт — в аван (Фавст., V, 27). Зарехаван, долгое время лежавший в развалинах (Фавст., IV, 58; V, 93), а также Нахчаван представляли собой деревни². Ерундашат, Заришат и Ван вовсе не упоминаются у авторов. Правда, во второй половине V в. выдвинулся город Двин, но лишь как пункт переднеазиатской транзитной торговли и как центр персидской администрации.

Итак, изучение немногих наличных источников показывает, что города, характерные для рабовладельческих государств эллинистического времени, сохранились в Армении до IV в. н. э. и лишь к V в. потеряли свое значение, в связи с интенсивным развитием феодальных отношений.

В дальнейшем, после продолжительного упадка, начался постепенный подъем городов, приведший к их подлинному расцвету в X—XII вв. Однако это были уже не прежние города. Выросшие, как правило, на новых местах, они имели отличную от прежних структуру и играли иную роль в жизни общества. Это были феодальные города.

¹ Л а з а р П а р п е ц и, История Армении, Тифлис, 1904 (древнеармянский текст), стр. 144.

² Там же, стр. 121.